

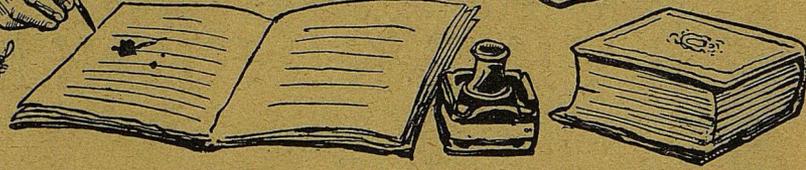
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
 24 книжки журнала
 26 премий.
 На 1 годъ 3 р. съ перес.
 2 р. 50 к. безъ перес.

РАЗСРОЧКА:
 2 руб. и 1-го июля 1 ру

Москва, М. Дмитровка,
 За перемѣну адреса
 25 к. Но при перемѣ
 мосновнаго адреса
 иногородній или обр:
 но—50 коп.

1-го сентября
1908 года.

Годъ изда
сетьмо

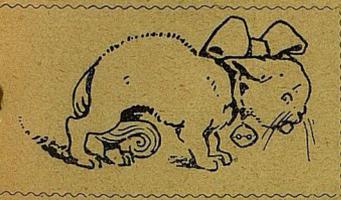

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
подъ редакціей А. А. Федорова-Давыдова.

Одобрень Ос. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ по предвар. подпискѣ въ средн. и низшія учебн. завед., дѣтск. сады и п

СОДЕРЖАНИЕ.

I. „Не вѣрь, не вѣрь коварной дружбѣ!..“ Рисунокъ	349	
II. „Усердіе“. А. Федорова-Давыдова. Съ рис.	350	
III. „Стихотвореніе“. Ив. Бьлюсова. Съ рис.	358	
IV. „И везетъ же счастье Василь-коту!..“ Рисунокъ	359	
V. „Мартышка-комедіантъ. (Повѣсть)	360	
VI. „Наводненіе въ лѣсу“. Рисунокъ.	363	
VII. „Правдивыя сказки“. Наводненіе въ лѣсу.	364	
VIII. „Графъ Л. Н. Толстой“. Рисунокъ.	365	
IX. „О великомъ писателѣ“	366	
X. „Страшное превращеніе“. Стих. Съ рис.		

При этомъ № прилагаются бесплатныя приложенія: 1) „Вышиваніе по методѣ Фребе
2) „Самодѣльные игрушки“. 3) „Куколка“. № 8.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА ПО ТЕЛЕФОНУ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

Дѣтскіе Наряды

МОСКВА, Кузнецкій (Мостъ) пер., № 4-2.

РУСАНОВЪ и ПОПОВЪ.

Иллюстр. прѣсь-куранты высылаются по требованію.

К. 24—17.

НОВАЯ КНИЖКА

„АЗБУКА-КРОШКА“

СО МНОГИМИ РИСУКАМИ.

Цѣна 3 коп., съ перес. 5 коп.

— Изданіе журнала „СВѢТЛЯЧОКЪ“ —

Москва, М. Дмитровка, 19.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА.

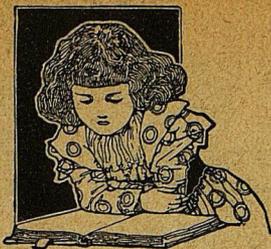
„ЖИЛЬ-БЫЛЬ МАЛЬЧИКЪ“.

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

А. А. Федорова-Давыдова.

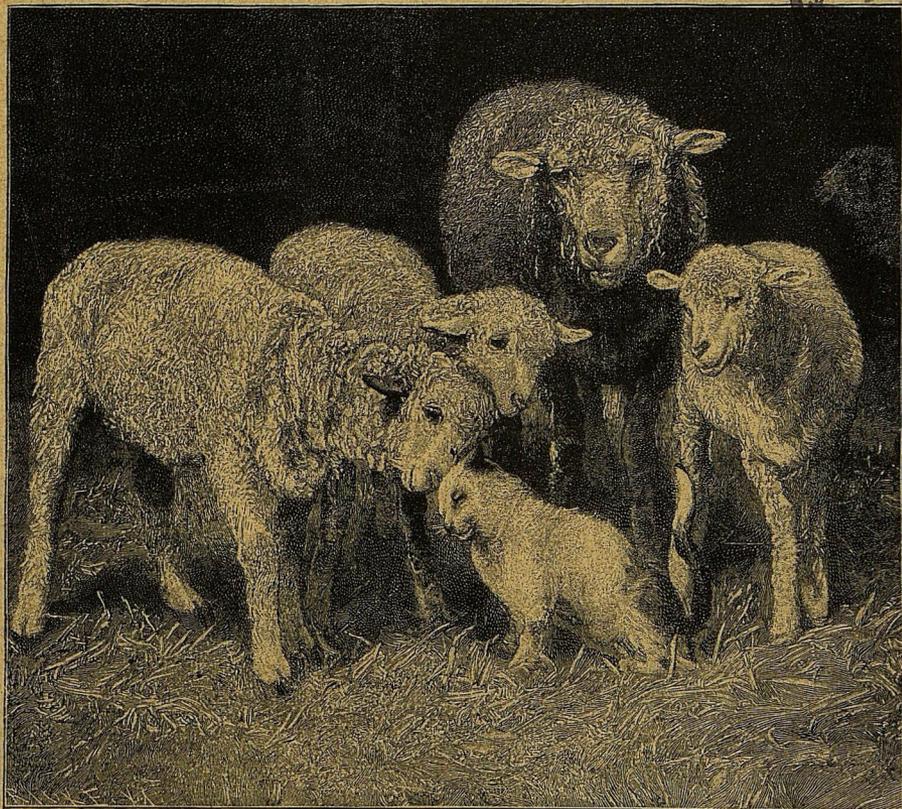
Съ рис. А. П. Апсита. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

Москва, Малая Дмитровка, 19.

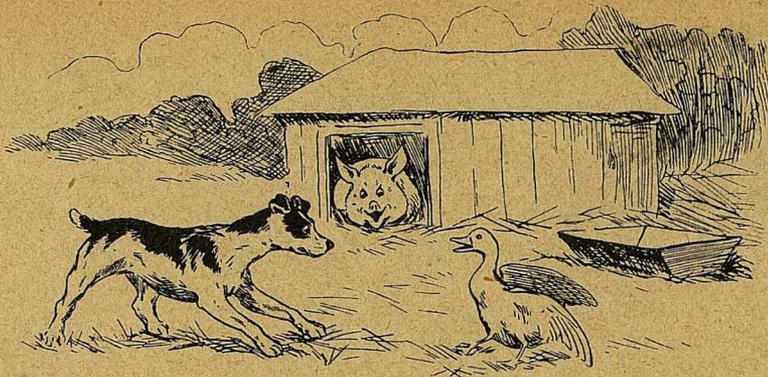
Свѣтлячокъ

1908 г. ◦ ГОДЪ VII ◦ № 17

„Не вѣрь, не вѣрь коварной дружбѣ!“...

Усердіе.

I.

ДЕРЕПОЛОХЪ на скотномъ дворѣ былъ невообразимый. Пѣгая свинья Хрюша видѣла все преступленіе своими собственными глазами, а ей можно было вѣрить...

— Онъ, родимые мои, цопъ его за горло и пошелъ чесать!..—задыхаясь отъ жира и волненія, въ сотый разъ рассказывала Хрюша всѣмъ любопытствующимъ.

— То—друзья, друзья, и тутъ—и за горло!..—задумчиво разсуждалъ баранъ Васька.—Это въ родѣ какъ у людей: то гладятъ тебя, холятъ:—«Вася да Вася»,—а тамъ ножикомъ по горлу чикъ, и шабашъ.

— Вы правы, господинъ баранъ,—заклох-

тали куры,—мы на своемъ куриномъ вѣку видимъ столько всякой ласки отъ птичницъ,— а изъ чего же ежедневно повара варять супъ?..

— Да,—сказалъ дворовый песъ Барбось,— но отъ Ладыжки этого никакъ нельзя было ожидать!.. Онъ былъ такъ друженъ съ этимъ злосчастнымъ гусенкомъ. Нѣтъ, здѣсь есть какая-то тайна.

Никто не возразилъ на это ни слова, потому что Барбось ла-

ялъ громче всѣхъ и тоже всегда могъ перегрызть горло кому угодно, если нельзя было рѣшить спора миролюбиво...

Ладыжка былъ схваченъ и засаженъ въ конуру. Посмотрѣть на преступника приходили всѣ обитатели скотнаго и птичьяго дворовъ.

— Какъ же это ты такъ, любезный?—спрашивали преступника собаки, лошади коровы.

Но больше всего возмущалось пернатое общество.

— Ахъ, злецъ!..—волновались старыя гу-

сыни. Вотъ такъ сторожь!.. Нечего сказать, хорошь!.. А что, кумушки-голубушки, — давай-те-ка мы его, такого-сякого, носами заключаемъ да ищиплемъ, чтобы не баловался!..

— Позвольте, сударыни!.. — холодно проворчалъ старый Барбось, — ужо судъ будетъ, — тамъ это дѣло разберуть!..

Но гусыни на него замахали крыльями и зашипѣли, какъ змѣи:

— Ужь вы разберете!.. Для васъ гусенокъ — такъ, глупость одна!.. Вы щенка-то всегда выгородите!.. А вотъ поучить его разокъ, другой, такъ онъ небось позабудеть баловать!..

— Нну!.. — рявкнулъ Барбось на всю гусиную компанію, и гуси недовольно отошли въ сторону, но долгое время еще послѣ того шипѣли и вытягивали шею, грозясь Барбосу...

II.

Судъ былъ торжественный. Барбось сидѣлъ на мѣстѣ главнаго судьи; левретка исполняла обязанности писемоводителя; бульдогъ — судейскаго сторожа.

Прямо противъ судьи стоялъ за оградой Ладыжка на заднихъ лапкахъ, а сбоку, за другой оградой, стояла свидѣтельница, свинья.

— Ну, какъ было дѣло? — спросилъ Барбось, — сказывай, Хавронья...

Свинья откашлялась и начала:

— А такъ что, ваше благородіе, сию это я намедни возлѣ корыта съ помоями; помойто жирныя такія; вдоволь ихъ намъ отпускаютъ: тамъ и арбузныя корки, и дынныя корки, и хлѣбъ черный; да что,—огурцы попадаются и картошка, потому какъ...

— Виновать, сударыня,—угрюмо сказалъ Барбось,—говорите прямо о дѣлѣ!..

— Да я жъ и то дѣло говорю,—обидѣлась свинья.—Лежу это я около корыта, сама сыта,—такъ, со скуки мордой въ помояхъ пошевеливаю... Тепло, солнышко свѣтитъ... ну, я лежу и гляжу...

— Да это мы все слышали, дальше!..

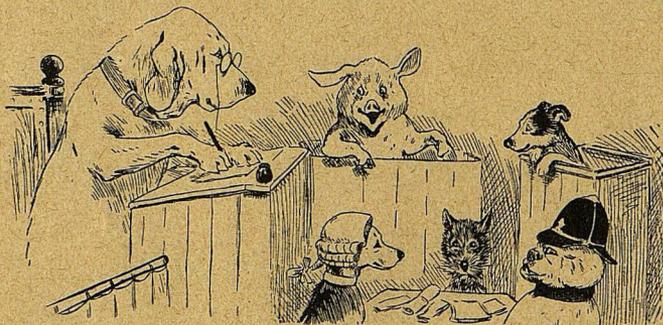
— Ну, вотъ лежу я этакъ, поглядываю... А гусенокъ возлѣ меня колобродить... Отколѣни возмись—вотъ этотъ сорванецъ... налетѣлъ, какъ буря, цопъ гусенка за горло и поволокъ. А за нимъ цѣлая стая этакихъ же щенковъ несется... Они и меня, господинъ судья, все забижали. Придутъ, въ помой по горло залѣзутъ и плещутся... А помой, доложу вамъ, у насъ за первый сортъ: жирныя, и всякое тамъ удовольствіе можно найти: и арбузныя корки, и дынныя, и огурцы, и картошка. Да что, намедни яблоко...

— Довольно, сударыня!—рявкнулъ на нее Барбось и оскалилъ зубы...

Свинья завизжала, расплакалась и ушла...

— Эй, вы, остановитесь!.. Куда вы!..— крикнулъ ей судья.

Но, куда тамъ!.. Развѣ со свиньей стоворишься? Бульдогъ бросился, было, уговаривать ее, удерживать, свинья только безнадежно вертѣла своимъ хвостикомъ-финтифлюш-

кой и слышать ничего не хотѣла. Бульдогъ схватилъ, было, ее за ногу, но она завизжала,

какъ зарѣзанная:

— А я барынь пожалуюсь, что ты кусаешься!.. Вотъ тоже, избидѣли всю да еще куса-аться!..

Пришлось махнуть лапой на эту даму.

— Какъ же это ты, другъ?— обратился Барбось къ Ладыжкѣ.— А?..

— Я не виновата!..— заскулила Ладыжка.— Это онъ на смѣхъ мнѣ померь!.. Вѣдь мы съ нимъ друзья-пріятели были...

— Это-то и ужасно, господинъ щенокъ!—
наставительно замѣтилъ Барбось.— Вы заду-
шили вашего пріятеля...

— Онъ самъ задохся!..

— Рассказывайте сказки!.. Затѣмъ же вы
его цапнули за горло?..

— Я его спасти хотѣлъ!..

Въ судѣ водворилось глубокое молчаніе...

— Расскажите, какъ было
дѣло! — предложилъ Бар-
бось.— Говорите только од-
ну правду.

Ладыжка всхлипнулъ,
почесалъ задней лапой за
ухомъ, чихнулъ и началъ:

— Закадычными мы друзьями съ гусен-
комъ были. Бывало, спимъ вмѣстѣ, гуляемъ
вмѣстѣ; онъ на прудъ пойдетъ купаться,— я
на берегу лежу, стерегу его. Сколько разъ
онъ мнѣ, бывало, говорилъ:— «Смотри,— гово-
рить,— Ладыжка, береги меня пуще глазу!..»

Ладыжка всхлипнулъ и утеръ лапой глаза.

— Да... Ну, вотъ, вчера прибѣжали сосѣдскіе щенки, давай баловаться. И напали они на моего пріятеля, давай его гонять по задворкамъ, — вотъ-вотъ загрызуть... Завопилъ мнѣ гусенокъ.

— «Ладыжечка!..— Выручай, родимый!..» — Ну, я бросился къ нимъ. Одному-то мнѣ гдѣ же съ цѣлой сворой совладать!.. А спасти-то пріятеля надо!.. Ну... я подбѣжалъ къ нему, — цопъ его за шею, а она — у него длинная, удобно было!.. — и припустилъ во весь духъ... не догнали... Я добѣжалъ до нашего двора, глядь, а гусенокъ не дышетъ... Ужъ я его бранилъ, бранилъ: — «Не совѣстно ли тебѣ, такой-сякой, на смѣхъ мнѣ умерь!» — ничего не говорить!.. Будто не его касается...

Даже Барбось улыбнулся.

— И глупъ же ты, Ладыжка!.. Самъ задушилъ и ругаешься...

— Я его не душилъ!.. — упрявился щенокъ. — Онъ самъ задохся!..

Совѣщались, совѣщались судьи между собою, — никакъ дѣла разобратъ не могутъ.

— Нѣтъ, — говорятъ, — выходитъ и виновать, и не виновать щенокъ. Точно, малость переусердствовалъ; ну и то сказать, — не онъ,

то бы гусенка задушили. Значить тѣ и виноваты, а не Ладыжка.

Все-таки Барбось крикнулъ къ себѣ Ладыжку, встряхнулъ его разъ за шиворотъ:

— Это тебѣ за гусенка!..

Еще встряхнулъ:

— Это тебѣ за усердіе.

И третій разъ встряхнулъ:

— А это на память: ежели удушишь еще,—самого тебя загрызу. Такъ и помни.

Послѣ этого Ладыжку отпустили на всѣ четыре стороны, и судъ разошелся...

— Ну,—сказали гусыни въ тотъ же вечеръ, возвращаясь съ купальнаго курорта,—какъ вамъ это нравится? И это называется судъ?.. Ладыжка на волѣ, какъ ни въ чемъ не бывало!.. Охъ, ужъ и судьи же у насъ...

— Н-да,—могу сказать,—добавила свинья-свидѣтельница,—я же ихъ на умъ навела, всю правду-матку, какъ на ладони, выложила,—а они меня—кусать!.. Вотъ она правда-то!.. Нѣтъ, я положила искать правду только въ жирныхъ помояхъ: я ее нахожу тамъ сколько угодно, и оттого я и жирѣю день ото дня.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

КРОТКО теплится лампадка,
Няня сказку говорить,
И, закрывши глазки, мальчикъ,
Разскидавшись, сладко спить.

Королевичемъ-красавцемъ
Видитъ онъ себя во снѣ,
По широкой, вольной степи
На лихомъ летитъ конь,—

А ему колдунъ навстрѣчу
Съ длинной, длинной бородой;
Вотъ они сошлись вмѣстѣ
И вступили въ жаркій бой...

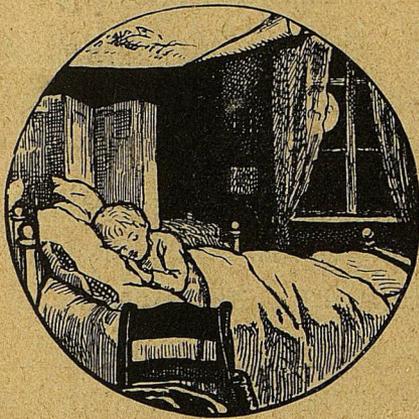
— „Что съ тобою? Раскидался,

„Одѣяло сбиль въ комокъ!..

„Спи! Поутру встанешь рано

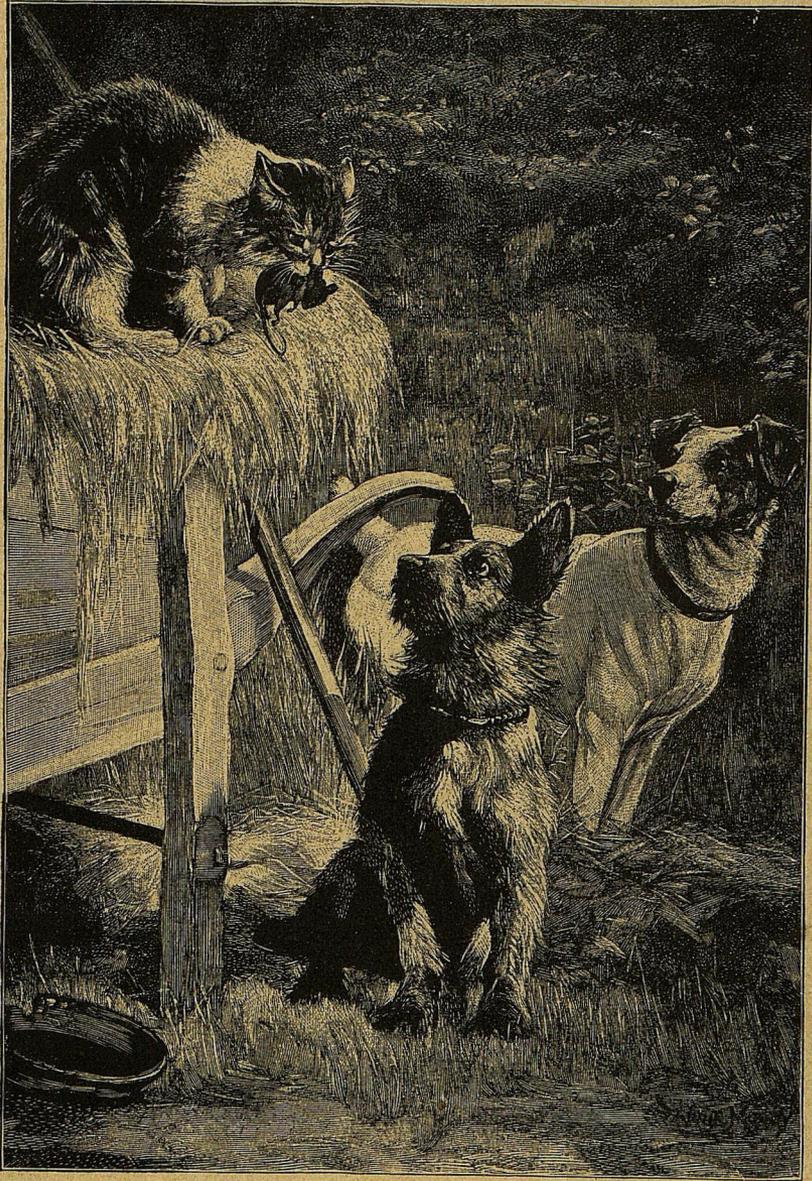
„И гулять пойдешь, дружокъ...“

Наклонившись надъ кроваткой,
Няня тихо говорить..
Кротко теплится лампадка,
И спокойно мальчикъ спить!..

Ив. Бѣлоусовъ.

„И везеть же счастье Васькь-коту!..“

Мартышка-комедіантъ.

(ПОВѢСТЬ).

(Продолженіе. См. № 16).

БѢДНЫЙ Жоко!.. Кучеръ Евланъ сунулъ его подъ боченокъ, а сверху на дно положилъ тяжелый камень.

— Ну, теперь не вывернешься!..—сказалъ онъ, отирая со лба капли пота.—Вотъ умаяла, такая-сякая!..

Жоко въ ужасѣ заметался изъ стороны въ сторону, какъ сумасшедшій,—но со всѣхъ сторонъ въ темнотѣ онъ натыкался на глухія стѣнки боченка. Жоко струсиль не на шутку и прижался къ землѣ, закрылъ руками мордашку и сталъ тихо, жалобно по-ребячьи стонать и плаксиво взвизгивать.

— Ты у меня поскули!..—крикнулъ Евланъ, стуча кулакомъ по боченку.

Это разсердило Жоко, и онъ что есть силы сталъ въ отвѣтъ тоже стучать кулаками, визжа во весь голосъ, въ гнѣвѣ на несносный боченокъ.

Евланъ послушалъ, послушалъ, какъ бѣсился подъ боченкомъ Жоко, и только головой покрутилъ.

— Ишь ты расходился какъ, мусью!.. Ну, постой, дай срокъ, я тебя на мѣсто опредѣлю, въ лучшемъ видѣ!..

Евланъ заперъ конюшню и ушелъ со двора по дѣламъ „домового“. А „домовой“ отъ усталости затихъ и угомонился. Весь съежившись комочкомъ, онъ прижался къ стѣнкѣ боченка, схватилъ голову обѣими руками и сталъ жалобно „плакать“, совсѣмъ по-ребячьи. Онъ былъ разобиженъ, оскорбленъ и помятъ.

Еще никто и никогда не обращался съ нимъ такъ грубо и безцеремонно, и отъ этого Жоко было какъ-то жутко и одиноко. Онъ хорошо воспоминалъ свое недавнее счастье, — добродушнаго, ласковаго доктора, который умѣлъ такъ пріятно щекотать и гладить его; который, укачивая Жоко на своихъ рукахъ, кормилъ всякой-всячиной и давалъ ему полную волю дѣлать все, что угодно!.. Бывало, и докторъ гонялся за нимъ по комнатамъ, — но это дѣлалось шутя. И никогда-то при этомъ бѣднаго Жоко не тискали, не душили, не сажали въ такую тѣсную и душную коробку. Мало того, его даже никогда нарочно не дразнили, а всячески усмиряли, уговаривали не злиться...

Вспомнилъ Жоко и красавца-Гордошку, и солиднаго Граньку, которому онъ расчесывалъ, бывало, перышки на головѣ...

„Эхъ, славно было тогда!.. — горько думалъ Жоко. — И зачѣмъ было уходить оттуда?.. Изъ-за пустяковъ разозлился я тогда... То-то вотъ, сдержаться я никогда не могу: чуть что не по мнѣ, — все бы, кажется, сокрушилъ, изломалъ, заплевалъ бы съ головы до ногъ... Вотъ, думалъ лучше жизнь свою устроить, а что же въ концѣ концовъ-то вышло? А ну какъ это страшилище, что гонялось за мной, убьетъ меня!.. О-о-о-о!“

И Жоко заголосилъ жалобно-жалобно...

XI.

— И впрямь чисто домовой... Ишь ты, голосомъ-то какъ выводить!.. — задумчиво сказалъ Евланъ, отпирая конюшню и слыша жалобные стоны несчастнаго Жоко.

Весь дворъ зналъ, что Евланъ отправился пристраивать къ мѣсту „домового“, и потому его возвращенія ждали съ нетерпѣніемъ.

Какъ только замѣтили его около конюшни, сейчасъ же группа любопытствующихъ собралась вокругъ него. Только тетка Агаѣя не рѣшалась войти и опасливо заглядывала въ дверь, прислушиваясь краемъ уха къ разсказу Евлана.

— Н-да, — важно повѣствовалъ Евланъ, — дѣло, можно ска-

зять, на чистоту облажено. Десять цѣлковыхъ Господь мнѣ послалъ, за обизьяну!.. Въ театрѣ я его продалъ, вотъ гдѣ муміи-то изъ воску поналѣплыны стоятъ... Барышня тамъ этаконька есть, Клара Ивановна... вотъ какъ обрадовалась.— „Приносить, приносить мнѣ,—говорить,—и десять рубль я вамъ буду давать, и двадцать копеекъ на чай!..“ Важно!.. Теперича пятерку въ деревню женѣ отошлю, а на другую пятерку одежду себѣ справлю... Ай да, домовой!..

Любопытствующіе слушали съ наслажденіемъ и завистью. Вотъ вѣдь, повезетъ же такъ человѣку, скажи пожалуйста!..

Только тетка Агаѣя укоризненно покачала головой, презрительно плюнула и сказала:

— А по-моему, слышь ты, Евланъ, грѣхъ это!..

— Это что—грѣхъ-то?—удивился тотъ.

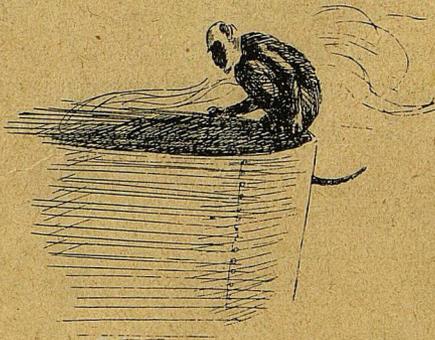
— Неладно за *него* деньги брать... Не къ добру тебѣ эти деньги пойдутъ, вотъ что!..

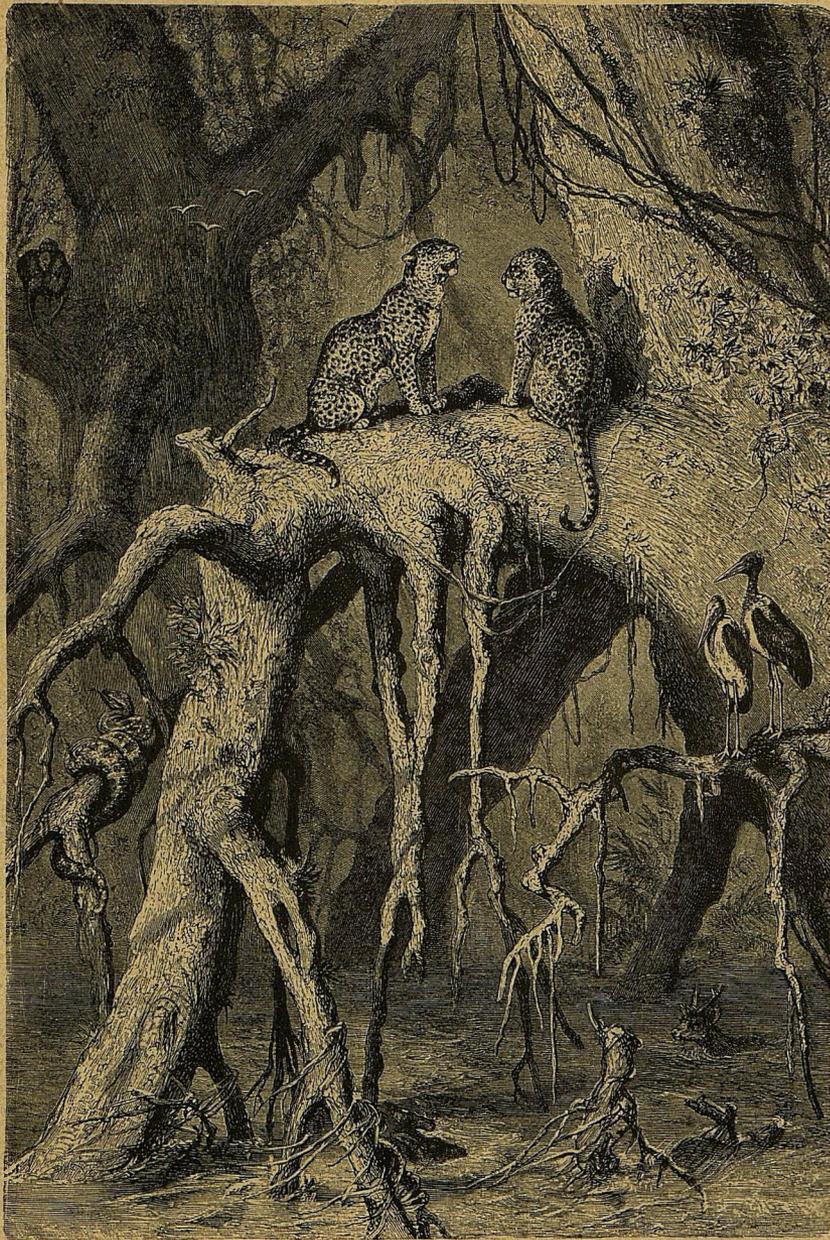
Евланъ сразу обидѣлся.

— Типунъ тебѣ на языке... Ишь, каркаетъ, словно ворона!.. Вотъ подниму кадушку да выпущу на тебя домового-то,—онъ тебя къ рукамъ приберетъ въ лучшемъ видѣ!..

Это было сказано очень серьезно, и поэтому тетка Агаѣя поспѣшила молча удалиться во-свояси, пугливо озираясь на двери конюшни и бормоча что-то про себя...

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Наводненіє въ лѣсу“.

ПРАВДИВЫЯ СКАЗКИ.

Наводненіе въ лѣсу.

ДАЛЕКО отъ насъ, въ жаркихъ странахъ, есть такіе огромные, непроходимые лѣса, какихъ мы никогда и не видывали. Много страшныхъ и свирѣпыхъ звѣрей водится въ этихъ лѣсахъ: и тигры, и леопарды, и пантеры, и львы. Они охотятся на слабыхъ животныхъ—на оленей, ланей, дикихъ козъ, на обезьянокъ.

Въ тѣхъ странахъ послѣ долгой жары бываютъ сильныя дожди, отъ которыхъ бываютъ страшныя наводне-

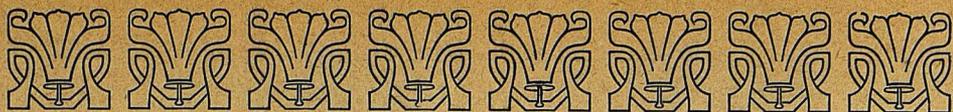
нія. Дремучіе лѣса затопляются.

Звѣри боятся больше всего воды и огня.

На рисункѣ вы видите это наводненіе. Спасаясь отъ воды, на одно и то же дерево взабрались два леопарда, двѣ птицы, обезьяны; къ дереву плыветъ молодая, робкая лань. Змѣя всползаетъ на сукъ дерева. Теперь всѣ хищныя звѣри сами струхнули; чуютъ они неминуемую бѣду и не трогаютъ другъ друга.

И правду говорятъ,—что „несчастія сближаютъ даже враговъ“.

О великомъ писателѣ.

КОГДА вы вырастете и будете большими, помните, что вы всегда съ гордостью можете сказать:— „мы были современниками графа Льва Николаевича Толстого!..“

Это крупнѣйшій русскій писатель, авторъ многихъ рассказовъ, повѣстей, сказокъ и статей, извѣстныхъ всему міру. Всѣ его работы изображаютъ правдиво и точно жизнь русскихъ людей; въ рассказахъ и повѣстяхъ онъ искусно описывалъ недостатки людей и добрыя качества ихъ.

Любя людей и жалѣя тяжелую жизнь обездоленныхъ людей, онъ старался въ своихъ сочиненіяхъ показать, что служить къ счастію челоуѣка.

Толстой любилъ деревню и долгое время жилъ среди крестьянъ, которымъ всячески старался помогать.

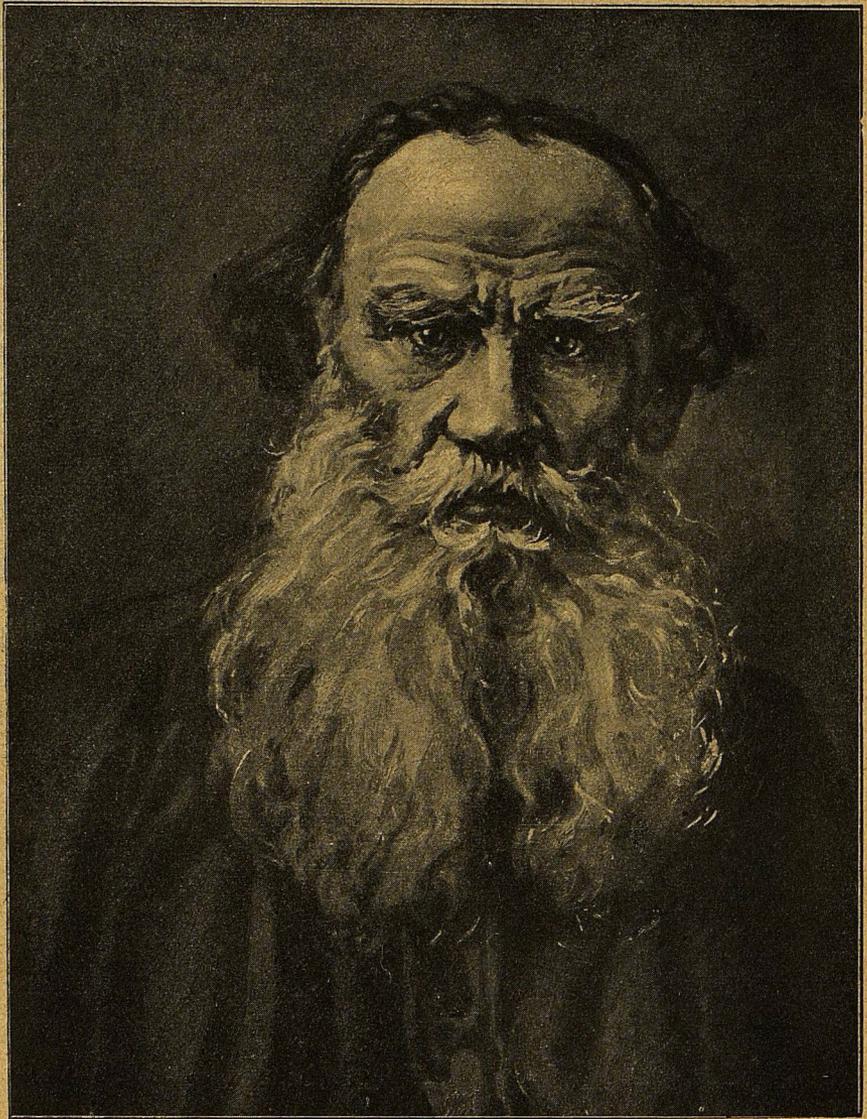
Онъ устроилъ у себя въ деревнѣ „Ясная Поляна“ школу для крестьянскихъ дѣтей, которыхъ онъ самъ обучалъ. Во время голода онъ устраивалъ имъ даровыя столовыя и кормилъ ихъ. Желая испытать тяготу работы крестьянъ, онъ самъ одно время и пахалъ, и сѣялъ хлѣбъ, и косилъ сѣно и рожь.

Жизнь велъ Толстой простую и умѣренную; строго относился къ самому себѣ, и оттого его уважали окружающіе и дивились, и дивятся его уму и твердости характера.

Въ этомъ году Толстому исполняется 80 лѣтъ, и эту годовщину и празднуютъ всѣ уважающіе и цѣнящіе талантъ этого великаго челоуѣка.

Да пошлетъ ему Богъ силъ и здоровья на долгіе годы!..

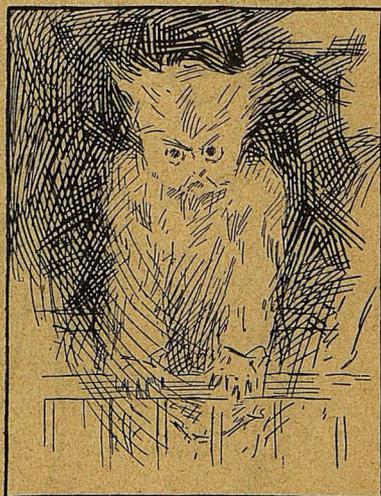
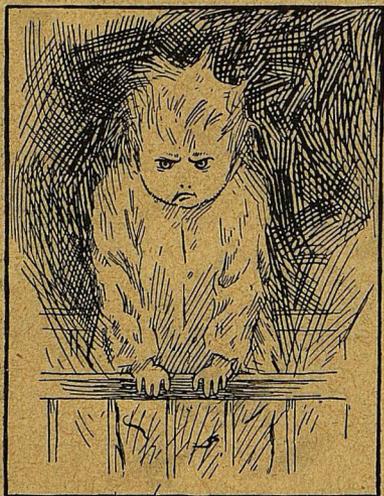
„Графъ Л. Н. Толстой“.

Страшное превращеніе.

Если ты въ моментъ каприза,
Раздражень, сердить, надуть,—
Можешь ты дожидаться тутъ,—
Очень страшнаго каприза...

Вдругъ смотрю я,—какъ ни странно
А малышъ мѣняетъ видъ...
Онъ не хочетъ умываться
И чесаться не идетъ!..

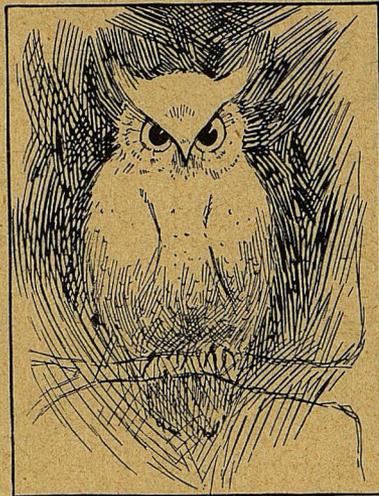
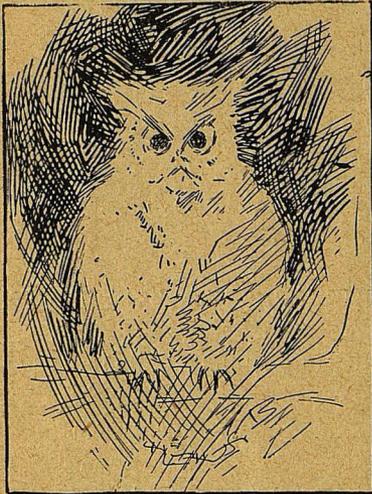

Всталъ Капризко утромъ рано,
Да не въ духъ и сердить...

Вотъ и стало мнѣ казаться,
Что мальчуга ужъ не тотъ...

Дальше—больше; что такое?
У мальчуги изъ волосъ

Вмѣсто куртки—оперенье,
Руки—лапы съ коготкомъ..—

Появилось рожекъ двое,
Обернулся клювомъ носъ...

Былъ малышъ—до превращенья,
Сталь онъ филиномъ потомъ...

≡ ВЫШИВАНІЕ. ≡

(Къ нашей преміи).

Вышиваніе красивыхъ картинокъ, прилагаемыхъ при этомъ номерѣ, доставляетъ большое удовольствіе, особенно если онѣ еще будутъ раскрашены.

Для того, чтобы при вышиваніи и при раскрашиваніи, на рисунокъ были наложены вѣрные тона,—къ нашимъ узорамъ приложены маленькія модели.

На узорахъ, напечатанныхъ на плотной бумагѣ, показано, гдѣ надо класть стежки цвѣтной шерстью.

Такимъ образомъ, у васъ будутъ хорошенькія картинки вашей собственной работы.

Изданія журнала „СВѢТЛЯЧОКЪ“.

(МОСКВА, М. Дмитровка, 19).

„АЗБУКА-СВѢТЛЯЧОКЪ“. Со многими иллюстраціями
3-е изданіе.

Цѣна 30 коп., съ пересылкой 45 коп.

„ПОДВИЖНАЯ АЗБУКА“—буквы съ интересными картин-
ками въ краскахъ.

Цѣна 20 коп., съ пересылкой 35 коп.

„ПРЕВРАЩЕНІЯ ЗИНЫ“. Повѣсть А. В. Круглова.
Съ рисунками.

3-е изданіе. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 коп.

≡ „Сказки русскихъ инородцевъ“ ≡

В. Н. ХАРУЗИНОЙ.

2-е изданіе. Цѣна 1 р. 25 к. Съ рисунками.

Склады изданій: 1) Москва, М. Дмитровка, домъ № 19. 2) Книжный мага-
зинъ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія Линіи.

Безплатно Волшебный фонарь

съ картинками въ краскахъ выдается въ видѣ приложенія къ нашему
новому альманаху для малышей

„ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРИКЪ“

только подписавшимся на альманахъ, до выхода его въ свѣтъ, те-
кущей осенью.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРИКЪ“.

АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

подъ редакціей и при участіи А. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА.

Содержаніе: 1) Разказы. 2) Сказки. 3) Стихи. 4) Басни. 5) Легенды. 6) Естественно-
историческіе очерки. 7) Историческіе разказы. 8) Шутки, занятія, работы и проч. 9) Картинка
въ краскахъ. Множество иллюстрацій.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАТЕРІАЛЪ ВЪ АЛЬМАНАХЪ ПЕЧАТАЕТСЯ У НАСЪ
ВПЕРВЫЕ.

Безплатное приложеніе: ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

съ картинками.

Цѣна по подпискѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Книгопродавцамъ съ подписной цѣны уступка 15 коп. съ экземпляра.

Москва, Малая Дмитровка, 19, редакція журнала „Свѣтлячокъ“.

За перемѣну адреса гг. подписчики какъ московскіе, такъ и ино-
городные платятъ 25 коп. Московскіе же подписчики, переходящіе въ ино-
городные, или иногородные, переходящіе въ московскіе, платятъ 50 коп.